

Женщина в российском обществе. 2022. № 3. С. 17—35.

Woman in Russian Society. 2022. No. 3. P. 17—35.

Научная статья

УДК 316.334.3

DOI: 10.21064/WinRS.2022.3.2

**ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО
В СТРУКТУРЕ ГРАЖДАНСКО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ОРИЕНТАЦИЙ ПОДРОСТКОВ 19 СТРАН**

Вячеслав Викторович Маленков

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия, vvmalenkov@gmail.com

Аннотация. В теоретической части статьи гражданские и политические права женщин рассматриваются как императив в конструировании гражданско-политической субъектности, как важная часть современного гражданства. Данное положение по-разному воспроизводится в национальных контекстах и репрезентируется на уровне ценностных ориентаций граждан. Предметом эмпирического анализа выступает изменение уровня поддержки гражданских и политических прав женщин среди 14-летних школьников в 19 странах. Для этого сопоставляются данные международного мониторингового исследования (IEA Civic Education Study 1999; International Civic and Citizenship Education Study 2009, 2016), направленного на выявление и описание гражданско-политических ориентаций подростков. В результате анализа зафиксированы принципиальные изменения в уровне поддержки гражданских и политических прав женщин в разных странах, что позволило выделить три их однородные группы. Полученные данные сопоставляются с признанными мировыми рейтингами (Democracy Index 2016, Global Gender Gap Index 2016, Polity IV). Делается вывод о наличии высокой корреляции между степенью поддержки гражданско-политических прав женщин и сложившимся в стране институциональным политическим порядком ($r = 0,79$), а также уровнем развития политической культуры ($r = 0,70$).

Ключевые слова: гендерное равенство, гражданско-политические ориентации, политическая культура, гендерные стереотипы, подростки, школьники, сравнительный анализ

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00632 «Гражданско-политические ориентации постсоветского поколения: модели и типы».

Для цитирования: Маленков В. В. Гендерное равенство в структуре гражданско-политических ориентаций подростков 19 стран // Женщина в российском обществе. 2022. № 3. С. 17—35.

Original article

GENDER EQUALITY IN THE STRUCTURE OF CIVIL-POLITICAL ORIENTATIONS OF TEENAGERS FROM 19 COUNTRIES

Vyacheslav V. Malenkov

Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation, vvmalenkov@gmail.com

Abstract. The article discusses one of the fundamental problems of modern political systems development — the civil and political rights of women in countries that differ in their cultural, economic and other parameters. Equality is treated as an imperative in the construction of civil-political subjectivity at the macro-social level, as a part of the structure of modern citizenship. This provision is differently reproduced in national contexts and is represented at the level of value orientations of citizens. It is assumed that this depends on many factors, including the type of political regime, the degree of development of political culture, and political participation. The subject of empirical analysis is the change in the level of support for the civil and political rights of women among 14-year-old students in different countries. For this, the data from an international monitoring study aimed at identifying and describing the civic and political orientations of adolescents are compared (IEA Civic Education Study 1999; International Civic and Citizenship Education Study 2009, 2016). Comparative analyses of the data collected in 19 countries. According to the results of the study, fundamental changes were recorded in the level of support for the civil and political rights of women in different countries, which allowed us to distinguish three homogeneous groups. The first included Denmark, Norway, Taiwan and Sweden. According to the results of the last measurement, the vast majority of students surveyed in these countries, both male and female, keep to egalitarian norms of citizenship. The second group includes countries where egalitarian gender norms in politics and the civil sphere have an average level of support. The third group is represented by teenagers from four post-socialist countries (Bulgaria, Latvia, Lithuania, Russia) and the Dominican Republic, among which there are strong traditionalist attitudes, and there is also a significant dissimilarity between representatives of different sexes in this inquiry. The data obtained are compared with globally recognized ratings (Democracy Index 2016, Global Gender Gap Index 2016, Polity IV). Based on the results of this comparison, it is concluded that there is a high correlation between the degree of support for women's civil and political rights and the institutional political order that has developed in the country ($r = 0,79$), the level of development of political culture ($r = 0,70$), and average correlation ($r = 0,65$) with political participation.

Key words: gender equality, civic-political orientations, political culture, gender stereotypes, teenagers, students, comparative analysis

Acknowledgments: the reported study was funded by RFBR according to the research project no. 19-011-00632 “Civic-political orientations of the Post-Soviet generation: models and types”.

For citation: Malenkov, V. V. (2022) Gender equality in the structure of civil-political orientations of teenagers from 19 countries [Gender equality in the structure of civil-political orientations of teenagers from 19 countries], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 17—35.

За последнее столетие мир существенно продвинулся в направлении достижения равенства. Данный процесс затронул гражданско-политическую сферу общества, расширив соответствующие права и гражданско-политическую субъектность женщин. Действительно эгалитарный гендерный порядок в той или иной степени успешно воспроизводится в странах с демократическим политическим режимом, тогда как во многих других дефицит равенства полов, в том числе в гражданско-политической сфере, все еще достаточно очевиден.

Вместе с тем нельзя не отметить, что во многих странах, включая развитые в этом отношении, наблюдается обратное движение — возрождение консервативной идеологии в разных ее модификациях, сопровождаемое контрэгалитарной политикой идентичности, ростом традиционалистских настроений в обществе. На этом фоне даже базовые принципы, лежащие в основе демократии, порой подвергаются ревизии. Актуализация консервативного дискурса в России, в центре которого оказалась гендерная повестка, является ярким тому примером.

Гендерное равенство как элемент гражданственности

Понятия «гендер» и «гражданство» тесно связаны между собой. С одной стороны, нормативные представления о гражданстве предполагают максимизацию возможностей включения женщин в публичную жизнь общества, государства, а поражение в политических правах трактуется не только как серьезный ущерб гражданскому статусу, но и как фактор, существенно ограничивающий реализацию гражданского потенциала социума. С другой стороны, исторически сложилось, что достижение гендерного равенства в качестве политической и в целом социальной задачи тесно связывалось с полноценным гражданством как неким обязательным атрибутом этого равенства.

В современном научном дискурсе возникла специальная область теоретизирования на стыке гендерных исследований и исследований гражданства, которую К. Абовец и Дж. Харниш назвали «феминистский дискурс о гражданстве» [Abowitz, Harnish, 2006]. Это направление представлено как за рубежом, так и в России (см., напр.: [Walby, 1994; Werbner, Yuval-Davis, 1999; Айвазова, Кертман, 2001; Хасбулатова, 2001; Шведова, 2014]).

К. Абовец и Дж. Харниш, отмечая основной фокус внимания на гражданство в гендерном контексте, приводят цитату из работы Д. Хитера: «Хотя гражданство существует уже почти три тысячелетия, за очень незначительным исключением женщины имели некоторую долю гражданских прав в наиболее либеральных государствах в течение всего лишь последнего столетия. Этот факт говорит о том, что гражданство — это статус, придуманный мужчинами для мужчин» (цит. по: [Abowitz, Harnish, 2006: 667]).

Сегодня гендерная программа (как совокупность целей, принципов и норм) является одним из ключевых элементов, определяющих содержание и структуру гражданства, модель гражданственности в той или иной стране. Очевидно, что представления о гендере также тесно связаны с понятием «политическая культура». По мнению Н. А. Шведовой, в политических культурах цивилизованных стран, или стран устоявшейся демократии, гендерный подход стал азбучной истиной. Принцип гендерного подхода, или гендерного измерения, считает исследовательница, выступает объективным родовым признаком

политической культуры, свойственным активной представительной демократии [Шведова, 2001]. Г. Г. Силласте политическую культуру трактует как одну из составляющих гендерного порядка: «...гендерный порядок представляет собой систему социальных норм, политической культуры и социальных институтов, формирующих в обществе отношение к гендерным проблемам и к их решению» [Силласте, 2019: 7].

Предметом данной статьи является гендерное равенство в гражданско-политической сфере как фундаментальная ценность, репрезентируемая в сознании, политической культуре, ставшая частью системы ориентаций социальных субъектов. Гендерный эгалитаризм встроен в современную модель горизонтальной политической культуры (гражданскую культуру), тогда как гендерное неравенство сопровождается традиционалистские вертикальные политические системы.

В одних странах эгалитарные гендерные нормы в сфере гражданства и политики активно воспроизводятся как на уровне дискурсов и социальных практик (в том числе на уровне законодательства и государственной политики), так и на уровне ценностных ориентаций отдельных акторов. Ярким примером являются Скандинавские страны. В других, несмотря на слабую представленность в институтах и практиках, данные нормы могут становиться важной частью гражданско-политических установок. Как правило, это сопровождается появлением альтернативных дискурсов и ослаблением гегемонистских социокультурных программ, что свойственно переходным, активно модернизирующимся обществам. Подобные тенденции можно обнаружить в «молодых демократиях» (например, Тайвань), где демократические институты еще не устоялись, но дискурс равенства уже довольно прочно укрепился в сознании большинства граждан.

Суть третьего варианта состоит в том, что при достаточно интенсивной репрезентации альтернативных дискурсов и даже институциональном их закреплении (в основном формальном, частичном) на уровне сознания и повседневных социальных практик продолжают воспроизводиться привычные для общества модели мышления и поведения. Представляется, что именно последний вариант характерен для России как советского, так и постсоветского периода.

Так, в СССР широко декларировалось равенство мужчин и женщин в гражданско-политической сфере — и на уровне идеологии, и на уровне правовых норм. Однако реальное положение женщин отличалось от форм, составлявших витринную часть гегемонистского дискурса. Содержательно доминирующая в советское время идеология, как отмечает О. А. Хасбулатова, «была, по сути, патриархатна»: «...она внушала женщинам и обществу в целом ложные представления о равноправии полов. Участие женщин в управлении государством носило больше декларативный, чем практический характер» [Хасбулатова, 2018: 49].

В ранний постсоветский период идея гендерного равенства составляла существенную часть политической повестки, а ряд ключевых положений были закреплены законодательно. К сожалению, большинство из них так и остались на бумаге. Уже в начале нулевых отчетливо наметилась обратная тенденция — возрождение традиционализма, зачастую не в самых лучших его формах. Процесс «брутализации», «ремаскулинизации» гражданско-политического

пространства расширился и углублялся, а в 2011 г. с наступлением нового политического цикла стал фактически определять общенациональную повестку [Riabova, Riabov, 2014; Temkina, Zdravomyslova, 2014].

Консервативный поворот, в центре которого оказались традиционалистские гендерные символы, С. Г. Айвазова назвала метаморфозами гендерного дискурса, в результате которых «эмансипационная норма “равных прав и свобод и равных возможностей их реализации для женщин и мужчин” оказалась напроць забытой». «На смену ей пришли сентенции онтологической морали, скрепленные идеей естественного назначения полов...» — отмечает исследовательница [Айвазова, 2017: 4].

Реформирование национально-гражданской идентичности включало активное использование приема противопоставления российской и европейской гендерной политики, что предполагало «негативизацию» последней в медийном дискурсе [Riabova, Riabov, 2019]. В итоге «на современном этапе развития российского общества значительная часть населения продолжает придерживаться гендерных стереотипов, закрепляя политику и управление государством за мужским социумом» [Хасбулатова, 2019: 34]. Это достаточно четко прослеживается по результатам многочисленных исследований. В то же время распространена точка зрения о существовании значительных различий во мнениях представителей разных поколений по данному вопросу: старшие более консервативны, младшие — менее.

М. А. Кашина в заключении критического анализа гендерной составляющей российской политики последнего десятилетия высказывает надежду на то, что «консерватизму власти противостоит тенденция модернизации повседневных практик, носителем которой является образованная городская молодежь» [Кашина, 2019: 11]. Однако, как показывают наши исследования, регулярно проводимые с 2005 г. на территории Тюменской области и ряда регионов Уральского федерального округа, молодые люди зачастую демонстрируют более консервативные установки, нежели представители старшего поколения [Гаврилюк и др., 2016; Маленков, 2018].

Эмпирическая база исследования

Эмпирической базой статьи являются данные международного сравнительного исследования проблем гражданственности и гражданского образования, реализованного под эгидой Международной ассоциации по оценке образовательных достижений. Цель проекта — сравнительная оценка готовности молодых граждан разных стран выполнять свои гражданские роли. Объектом исследования выступили 14-летние школьники из разных стран (в том числе из России).

Исследование является мониторинговым. Совокупная выборка в 1999 г. по 28 странам составила 94 тыс. школьников [IEA Civic Education Study, 1999: (United States), 2016; IEA Civic Education Study 1999: Technical Report, 2004], в 2009 г. — более 140 тыс. учащихся более чем 5300 школ из 38 стран [International Civic and Citizenship Education Study, 2009; ICCS 2009: Technical Report, 2011], в 2016 г. — 94 тыс. учащихся 3800 школ из 24 стран [International Civic

and Citizenship Education Study, 2016; International Civic and Citizenship Education Study 2016: Technical Report, 2018].

Для проведения вторичного анализа были выбраны 19 стран (включая Россию). По 13 из них доступны результаты всех трех замеров, по остальным 6 — только двух последних (2009 и 2016 г.). Предметом анализа являются ориентации 14-летних школьников из России и других стран на гендерное равенство в гражданско-политической сфере. Его цель — выявление различий в данных ориентациях в период с 1999 по 2016 г.

Аналізу подверглись ответы учащихся на четыре вопроса в форме утверждений, выбранные из четырех предложенных вариантов — от полного согласия до категорического несогласия. Два вопроса сформулированы в положительном ключе («Мужчины и женщины должны иметь равные права во всех отношениях», «Мужчины и женщины должны иметь равные возможности участия в управлении государством»), т. е. эгалитарная ориентация фиксировалась при согласии с предложенными утверждениями («полностью согласны» и «согласны»). Два других проектировались как отрицательные («Женщины должны быть вне политики», «В целом мужчины являются лучшими политическими лидерами, чем женщины»). В этом случае эгалитарным установкам соответствовало несогласие респондентов с утверждениями («не согласны» и «категорически не согласны»).

Необходимо отметить, что используемые вопросы по-разному описывают гражданско-политические ориентации. Если первые два могут восприниматься как декларативные, имеющие формальный характер, то вторые более содержательны, конкретны. Если первые тесно связаны с равноправием, то вторые — с фактическим равенством.

Результаты исследования

Утверждение 1: «Мужчины и женщины должны иметь одинаковые права во всех отношениях». Подавляющее большинство 14-летних школьников из рассматриваемых стран считают, что мужчины и женщины должны иметь равные права во всех сферах жизни. Сумма положительных ответов на данный вопрос («полностью согласны» и «согласны») в 2016 г. колеблется от 81 (Латвия) до 98 % (Тайвань). Среднее значение по всем странам в течение анализируемого периода — около 90 %. В 14 странах отмечается незначительный рост количества согласившихся с данным утверждением (в пределах 2 %). Наибольший прирост продемонстрировала Доминиканская Республика — с 76 % в 2009 г. до 84 % в 2016 г. В России доля 14-летних, согласившихся с утверждением, не менялась — 84 %.

Более существенные различия между странами, а в динамике в отдельных странах прослеживаются при подсчете количества полностью согласных с утверждением (рис. 1). Если в 2016 г. различия между долями положительных ответов школьников из разных стран («полностью согласны» и «согласны») варьируются в пределах 17 %, то доли категорических ответов (только «полностью согласны») различаются более значительно — от 49 % в России до 82 % в Норвегии и Тайване.

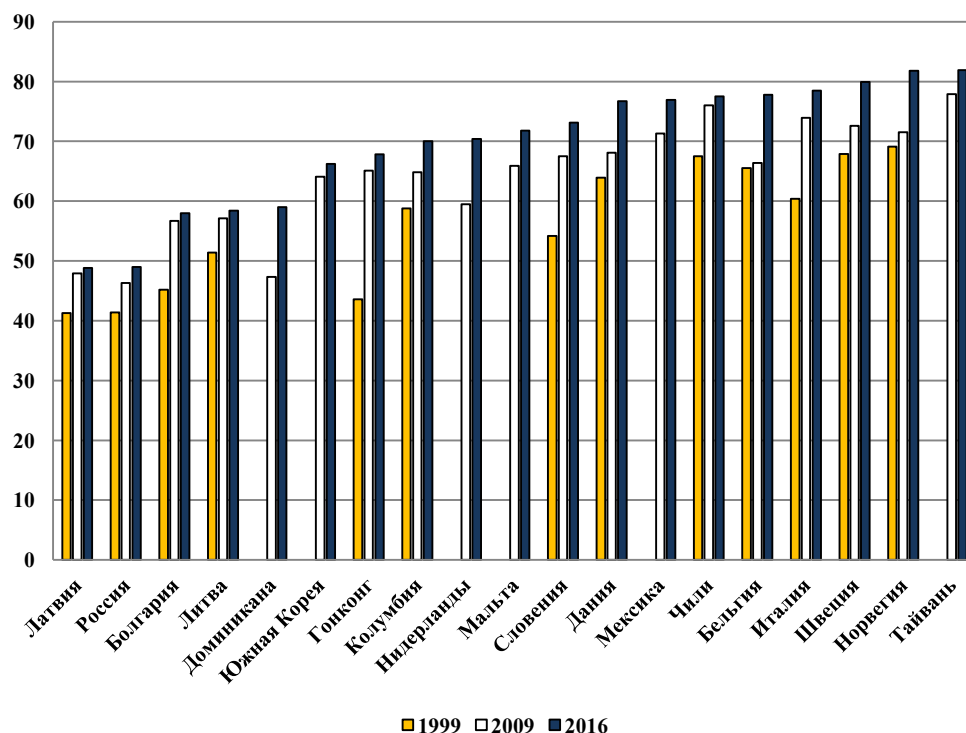

Рис. 1. Распределение по годам полностью согласных с утверждением «Мужчины и женщины должны иметь одинаковые права во всех отношениях», %

В первом случае рост по большинству стран практически не заметен, во втором — четко выражен. Доли полностью согласных увеличиваются существенно; минимальный прирост наблюдается в Литве (в 1,14 раза), максимальный — в Гонконге (в 1,52 раза). При этом во всех странах основной прирост приходится на первый период (с 1999 по 2009 г.). В России доля школьников, полностью согласных с утверждением, выросла с 41 до 49 % (на 8 %).

Доли согласившихся с тезисом девушек и юношей отличаются («полностью согласны» и «согласны»), но не кардинально — в 1999 г. в среднем на 8 %, в 2016 г. — всего на 3 %. Однако полностью согласных среди юношей значительно меньше по сравнению с девушками (табл. 1). В 1999 г. различия в отдельных странах варьировались от 1,3 (Колумбия) до 1,8 (Латвия и Словения). В 2016 г. они значительно сократились, составив в большинстве стран не более 1,2. В России в 1999 г. различия находились на уровне 1,4 (34 % юношей и 48 % девушек), в 2016 г. — 1,25 (44 % юношей и 55 % девушек). В Швеции они за тот же период сократились с 1,5 (52 % юношей и 83 % девушек) до 1,2 (77 % юношей и 91 % девушек).

Таблица 1

Доля полностью согласных с утверждением «Мужчины и женщины должны иметь одинаковые права во всех отношениях», %

Страна	Юноши			Девушки		
	1999 г.	2009 г.	2016 г.	1999 г.	2009 г.	2016 г.
Норвегия	54	65	78	83	84	91
Швеция	52	64	77	83	85	91
Дания	50	60	72	78	81	89
Тайвань	Н.д.	72	77	Н.д.	85	88
Италия	47	66	72	73	84	87
Бельгия	53	57	73	78	77	84
Чили	57	69	75	79	85	83
Словения	39	56	65	69	81	83
Мексика	Н.д.	68	76	Н.д.	79	82
Мальта	Н.д.	58	67	Н.д.	78	81
Нидерланды	Н.д.	51	64	Н.д.	70	79
Гонконг	37	60	64	51	75	75
Колумбия	50	67	71	66	68	73
Южная Корея	Н.д.	58	64	Н.д.	73	70
Болгария	38	50	50	52	67	70
Доминикана	Н.д.	55	66	Н.д.	58	66
Литва	39	52	55	63	63	62
Латвия	30	41	44	52	55	55
Россия	34	42	44	48	51	55

Утверждение 2: «Мужчины и женщины должны иметь равные возможности участия в управлении государством». Количество школьников, в разной степени согласившихся с данным утверждением («полностью согласны» и «согласны»), увеличилось практически во всех странах. Наибольший рост за период с 1999 по 2016 г. наблюдается в Бельгии (с 86 до 98 %), Болгарии (с 72 до 92 %), Италии (с 87 до 97 %), Латвии (с 83 до 91 %), Литве (с 86 до 94 %), Словении (с 85 до 96 %). В России доля согласившихся с предложенным утверждением находится на одном уровне (91 %).

Доли согласившихся («полностью согласны» и «согласны») менялись незначительно (в 9 странах не более чем на 10 %), в то время как доли полностью согласных с утверждением выросли заметно — минимально в Дании (в 1,3 раза), максимально в Латвии (в 2,7 раза). В ряде посткоммунистических стран (Болгария, Литва, Латвия) фиксировался рост более чем в 2 раза, в России в 1,7 раза — с 31 до 54 % (рис. 2).

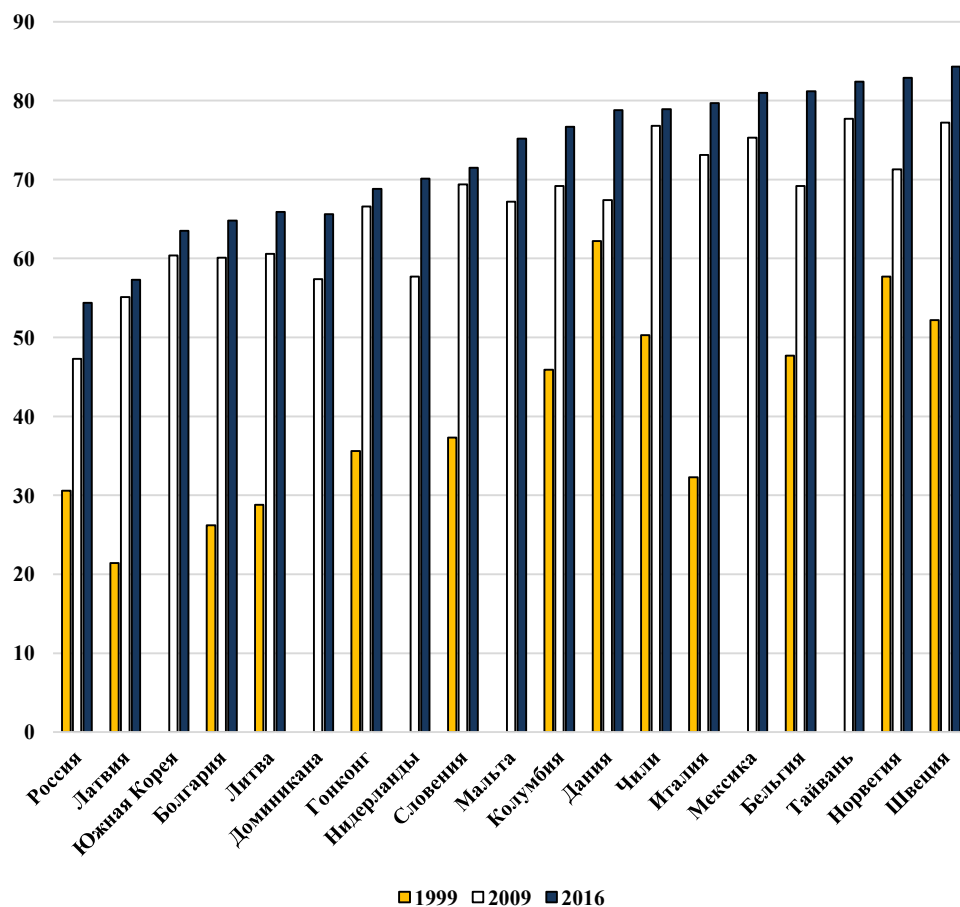

Рис. 2. Распределение по годам полностью согласных с утверждением «Мужчины и женщины должны иметь равные возможности участия в управлении государством», %

Доли согласившихся с утверждением девушек и юношей практически равны («полностью согласны» и «согласны»): в 2016 г. различия фиксировались на уровне 1—2 %. Однако доли юношей и девушек, полностью согласных с утверждением, существенно различались (табл. 2). В России — в 1,5 раза (25 % юношей и 36 % девушек) по результатам первого замера и в 1,2 раза (49 % юношей и 60 % девушек) в 2016 г. Среди шведских подростков при том же соотношении (1,5) в 1999 г. полностью согласных с тезисом школьников было 41 %, школьниц — 63 %, а в 2016 г. при различии в 1,2 раза доля школьников равнялась 81 %, школьниц — 94 %.

Таблица 2

Доля полностью согласных с утверждением
«Мужчины и женщины должны иметь равные возможности участия
в управлении государством», %

Страна	Юноши			Девушки		
	1999 г.	2009 г.	2016 г.	1999 г.	2009 г.	2016 г.
Швеция	41	69	81	63	89	94
Норвегия	49	65	78	66	83	92
Дания	53	59	75	71	80	90
Тайвань	Н.д.	72	78	Н.д.	84	88
Бельгия	35	60	76	59	79	88
Италия	22	65	74	42	83	87
Мексика	Н.д.	74	80	Н.д.	82	85
Чили	40	70	77	61	85	85
Мальта	Н.д.	59	71	Н.д.	79	84
Словения	25	58	64	49	83	81
Колумбия	38	71	77	52	73	80
Нидерланды	Н.д.	51	65	Н.д.	67	77
Гонконг	33	63	66	39	75	75
Болгария	20	53	58	32	71	75
Доминикана	Н.д.	67	72	Н.д.	68	71
Литва	21	55	63	35	67	70
Южная Корея	Н.д.	54	61	Н.д.	69	68
Латвия	15	48	52	27	63	65
Россия	25	42	49	36	53	60

Утверждение 3: «Женщины должны быть вне политики». В среднем по странам доля несогласных с утверждением уменьшилась с 85 (1999 г.) до 82 % (2016 г.). В большинстве стран изменения в сторону как снижения, так и увеличения незначительны. Заметный прогресс наблюдается в Чили (с 58 до 82 %), а заметный регресс — в Мексике (с 31 до 22 %) и России (с 86 до 75 %).

Еще более отчетливо отличия между странами видны по долям категорически несогласных (рис. 3). В лидирующих по данному показателю странах в 2016 г. доли таких варьируются от 63 (Словения) до 79 % (Швеция). В странах с более низким уровнем неприятия данного утверждения цифра колеблется от 6 (Мексика) до 57 % (Чили). При этом только пятая часть (20 %) российских подростков были категорически не согласны с тезисом. Аналогичным является результат 2009 г. (21 %), тогда как в 1999 г. доля таких ответов составила 35 % — почти в два раза больше.

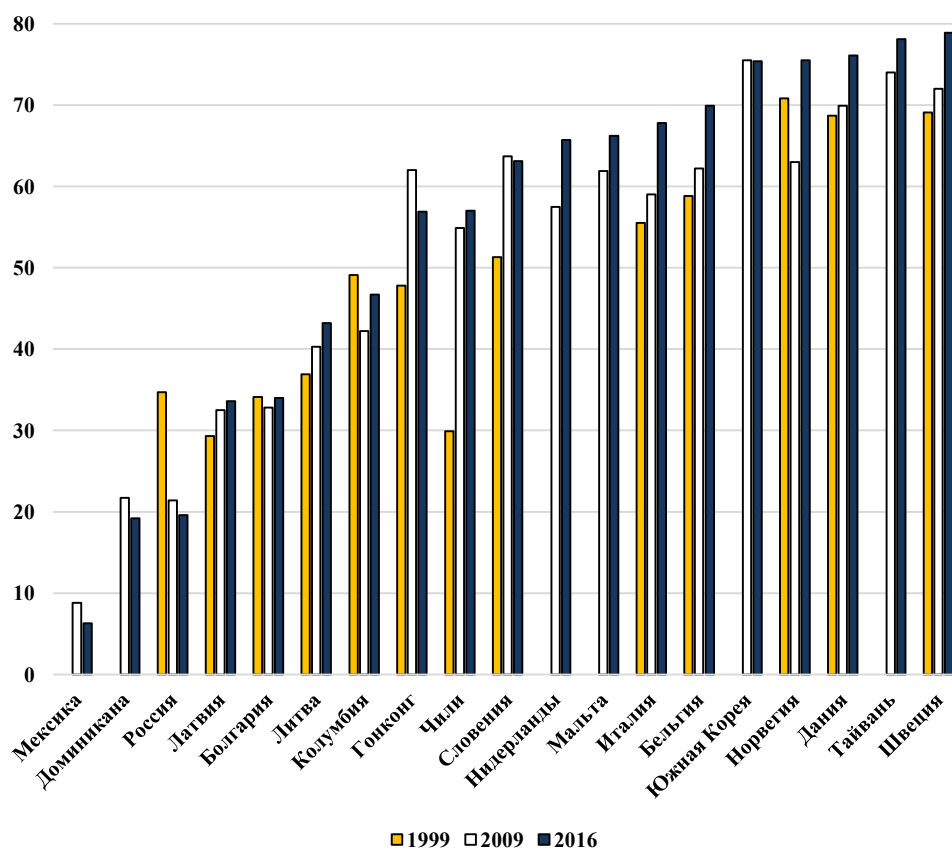

Рис. 3. Распределение по годам категорически несогласных с утверждением «Женщины должны быть вне политики», %

В большинстве стран доли несогласившихся юношей и девушек отличаются в пределах 10 %. Однако в четырех постсоциалистических странах (Болгария, Латвия, Литва и Россия) разрыв более заметен, а процент отрицательных ответов, особенно среди юношей, весьма незначителен. Доля категорически несогласных с утверждением юношей в постсоциалистических странах несколько выше (табл. 3): в 2016 г. разрыв составил от 1,6 до 1,7, тогда как в остальных странах он варьируется на уровне 1,1—1,3.

Среди российских подростков — представителей как мужского, так и женского пола фиксируется значительное уменьшение доли категорически отрицающих предложенное утверждение, что резко контрастирует с общим трендом. Так, если доля юношей, абсолютно несогласных с тем, что женщины должны быть вне политики, в 1999 г. равнялась 27 %, то в 2009 г. — 15 %, а в 2016 г. — 13 %. Среди девушек этот показатель в 2009 г. упал с 42 (1999 г.) до 29 % (2009 г.), а в 2016 г. до 27 %. Разрыв между ответами юношей и девушек при этом увеличился с 1,6 до 2,1.

Таблица 3

Доля категорически несогласных с утверждением
«Женщины должны быть вне политики», %

Страна	Юноши			Девушки		
	1999 г.	2009 г.	2016 г.	1999 г.	2009 г.	2016 г.
Швеция	56	63	74	81	84	91
Дания	56	60	70	82	84	90
Норвегия	56	54	68	84	77	88
Южная Корея	Н.д.	66	68	Н.д.	88	86
Тайвань	Н.д.	66	73	Н.д.	84	85
Мальта	Н.д.	52	59	Н.д.	77	79
Бельгия	46	53	63	71	72	78
Италия	42	49	60	68	71	78
Нидерланды	Н.д.	48	55	Н.д.	70	78
Словения	37	47	52	66	82	76
Гонконг	40	54	49	56	75	68
Чили	24	46	51	36	65	66
Литва	27	31	33	46	51	54
Колумбия	42	41	47	55	78	50
Болгария	26	26	27	41	43	45
Латвия	20	25	27	38	40	42
Россия	27	15	13	42	29	27
Доминикана	Н.д.	24	20	Н.д.	29	23
Мексика	Н.д.	8	5	Н.д.	11	8

Утверждение 4: «В целом мужчины являются лучшими политическими лидерами, чем женщины». Доля несогласившихся с утверждением («категорически не согласны» и «не согласны») в среднем по выборке увеличилась с 72 % в 1999 г. до 75 % в 2016 г. В большинстве стран наблюдается незначительный рост количества несогласных, но в трех из них он более выражен — в Бельгии (с 74 до 84 %), Чили (с 62 до 76 %) и Эстонии (с 58 до 83 %). Заметное снижение доли несогласных прослеживается в двух странах — Колумбии (с 84 до 76 %) и России (с 62 до 56 %).

Еще более показательное соотношение долей категорически несогласных в разных странах (рис. 4). Там, где эти показатели относительно высоки, они в 2016 г. варьируются от 46 (Словения) до 69 % (Швеция). В остальных странах — от 14 (Доминиканская Республика) до 40 % (Колумбия). Среди российских подростков всего около 15 % однозначно отвергающих предложенное утверждение. Аналогичный результат был в исследованиях 1999 и 2009 г. (16 и 14 % соответственно).

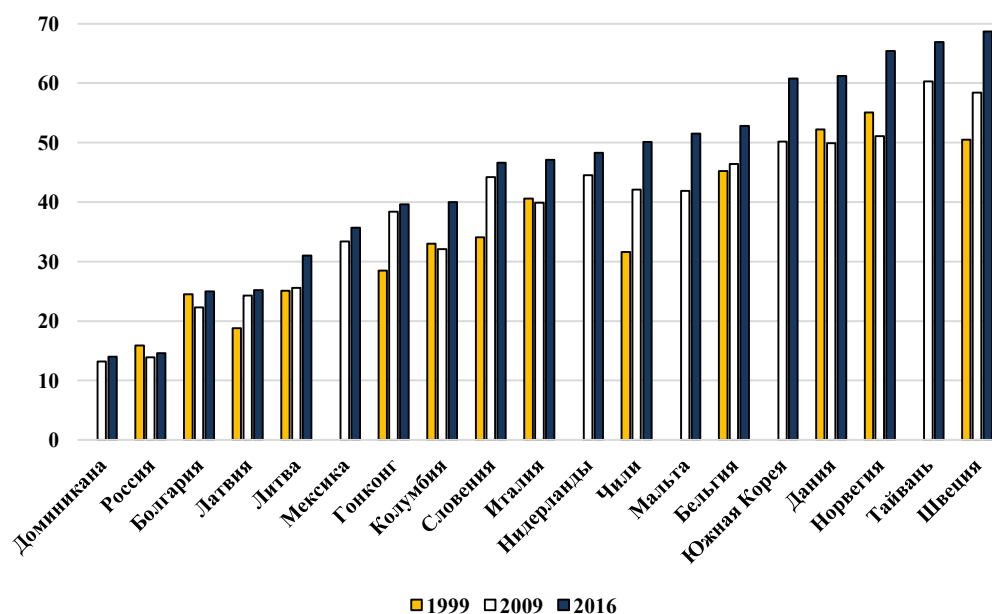

Рис. 4. Распределение по годам категорически несогласных с утверждением «В целом мужчины являются лучшими политическими лидерами, чем женщины», %

Таблица 4

Доля категорически несогласных с утверждением «В целом мужчины являются лучшими политическими лидерами, чем женщины», %

Страна	Юноши			Девушки		
	1999 г.	2009 г.	2016 г.	1999 г.	2009 г.	2016 г.
Швеция	32	45	57	67	74	85
Норвегия	34	39	54	74	68	82
Тайвань	Н.д.	46	55	Н.д.	77	81
Дания	36	38	49	69	65	79
Южная Корея	Н.д.	36	48	Н.д.	70	77
Мальта	Н.д.	27	36	Н.д.	61	71
Бельгия	32	33	41	58	61	66
Чили	21	26	38	43	58	64
Нидерланды	Н.д.	32	33	Н.д.	58	64
Словения	19	27	33	49	63	62
Италия	25	26	35	55	56	61
Гонконг	20	26	29	38	54	53
Колумбия	37	26	34	29	41	48
Мексика	Н.д.	23	27	Н.д.	46	47
Литва	15	17	21	34	34	41
Болгария	21	14	15	28	33	38
Латвия	12	15	16	25	34	35
Россия	11	7	7	20	21	23
Доминикана	Н.д.	13	12	Н.д.	19	20

Гендерные различия в ответах школьников на этот вопрос в разных странах варьируются (табл. 4). По данным 2016 г., в четырех странах Европы (Бельгия, Дания, Норвегия и Швеция) превалирует категорическое отрицание тезиса — около половины юношей и более 2/3 девушек. Средние показатели в Гонконге, Словении, Колумбии, Италии, Чили — около трети юношей и от 53 до 64 % девушек. Самая низкая доля категорически несогласных юношей (от 7 до 21 %) и девушек (от 20 до 41 %) в Болгарии, Латвии, Литве, России, Доминиканской Республике.

Доля российских школьников, давших категорический ответ, на порядок меньше, чем в других странах. Даже по сравнению с другими постсоциалистическими странами таких ответов в мужской выборке меньше в 2—3 раза, в женской — в 1,5—2. При этом мнение российских школьников по данному вопросу практически не менялось: резко отрицательные ответы дали в 1999 г. 11 % юношей, в 2009 и 2016 г. — 7 % и соответственно 20, 21 и 23 % девушек.

Обсуждение и выводы

Результаты исследования 2016 г. были сопоставлены с различными международными показателями и рейтингами. По среднему проценту категорических ответов установлена корреляция с индексом демократии ($r = 0,79$) (рис. 5) и входящим в него субиндексом политической культуры ($r = 0,70$) (рис. 6) [Democracy Index... , 2016], а также средняя корреляция ($r = 0,65$) с субиндексом политического участия индекса глобального гендерного разрыва (рис. 7) [Global Gender Gap Index... , 2016]. При этом ответы на первые два вопроса о равенстве прав слабо коррелируют с данными индексами ($r < 0,5$).

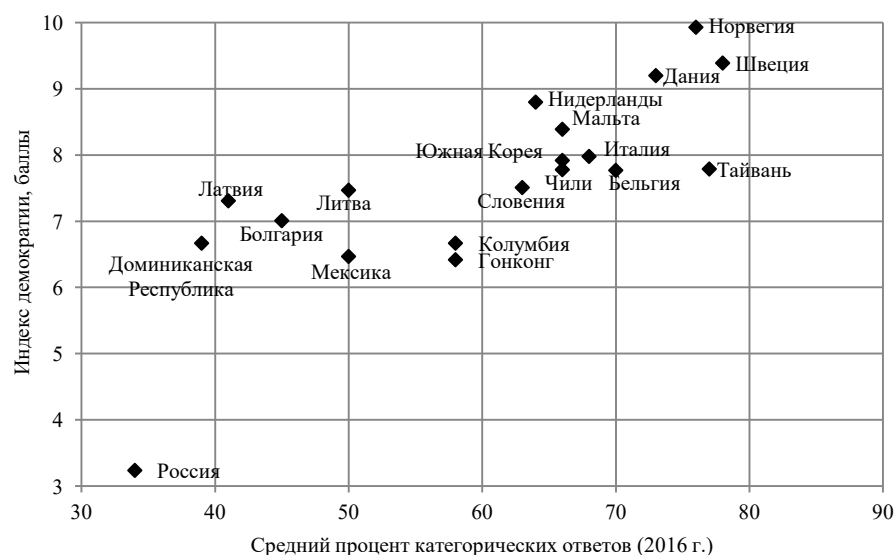

Рис. 5. Взаимосвязь среднего процента категорических ответов и индекса демократии [Democracy Index... , 2016]

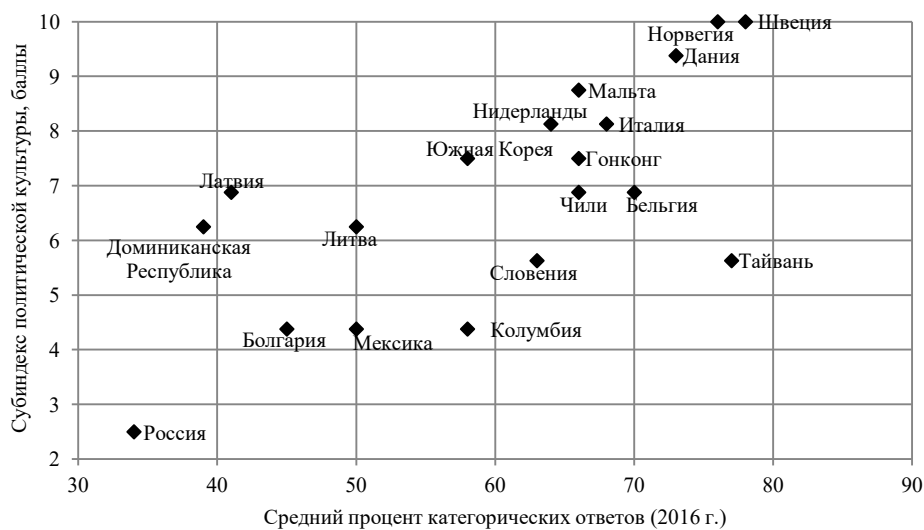

Рис. 6. Взаимосвязь среднего процента категорических ответов и субиндекса политической культуры индекса демократии [Democracy Index... , 2016]

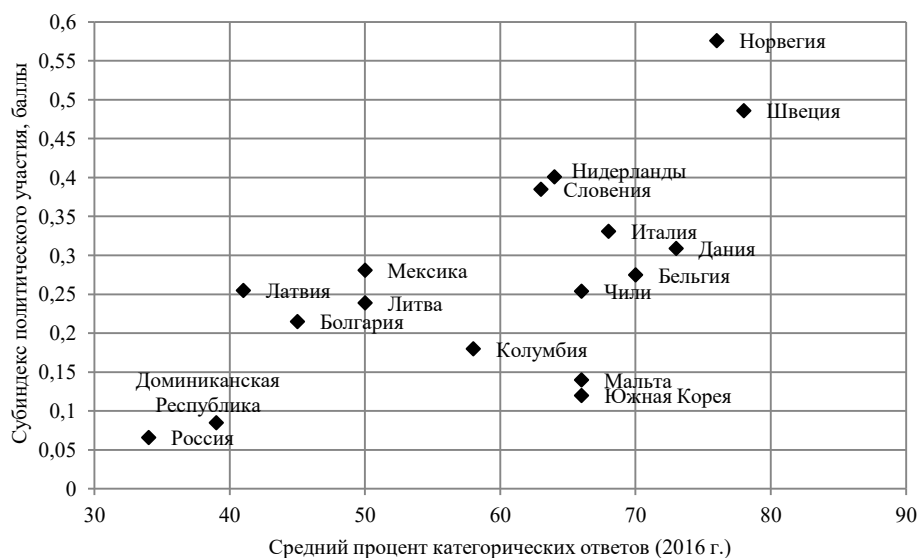

Рис. 7. Взаимосвязь среднего процента категорических ответов и субиндекса политического участия индекса глобального гендерного разрыва [Global Gender Gap Index... , 2016]

Обобщая результаты проведенного анализа, можно выделить три группы стран. В группе лидеров находятся Дания, Норвегия, Тайвань, Швеция. В этих странах наблюдаются самые высокие абсолютные и относительные показатели,

свидетельствующие о превалировании среди 14-летних школьников эгалитарных представлений. Различия в ответах юношей и девушек в этой группе минимальны.

Все рассмотренные здесь Скандинавские страны являются демократиями первой волны и имеют самые высокие позиции в международных рейтингах. По значениям двух наиболее известных мировых индексов демократии (Democracy Index 2016 и Polity IV) они классифицируются как полноценные демократии и занимают 1-е (Норвегия), 3-е (Швеция) и 5-е место (Дания).

Скандинавские страны — яркий пример воспроизводства эгалитарных гендерных норм в сфере гражданства и политики как на уровне институтов, сложившегося гендерного порядка, так и на уровне гражданско-политических ориентаций подростков. Пример Тайваня скорее свидетельствует о возможности относительно быстрой политической модернизации. Несмотря на пока еще скромное место в рейтингах по индексу демократии, в этой стране наблюдается значительное усиление приверженности нового поколения принципу гражданского равенства.

Вторая группа наиболее многочисленна, она включает десять стран. Подростки этих стран занимают по показателю ориентированности на гендерное равенство срединные места между лидерами и аутсайдерами. Во всех представленных в данной группе странах разница между ответами юношей и девушек также находится на среднем уровне. Большинство из этих стран (Нидерланды в него не входят) классифицируются как несовершенные демократии [Democracy Index... , 2016]. В то же время более половины из них другим признанным рейтингом стран по индексу демократии (Polity IV) называются полноценными демократиями. Представляется, что воспроизводство эгалитарных гендерных норм в сфере гражданства и политики как на уровне социальных практик, так и на уровне установок подростков не является в этих странах таким же устойчивым, как в первой группе.

К третьей группе отнесены пять стран (Болгария, Доминиканская Республика, Латвия, Литва, Россия), в которых наблюдается превалирование среди школьников традиционалистских взглядов на роль женщин в гражданско-политической сфере. Указанная тенденция прослеживается в ответах на все вопросы. В этих странах самая высокая разница между мнениями юношей и девушек. Все государства данной группы, кроме России, относятся к несовершенным демократиям [Democracy Index... , 2016] и демократиям, кроме Литвы, которые индекс Polity IV классифицировал в 2016 г. как полноценные.

Российские школьники демонстрируют наиболее традиционалистские ориентации. На фоне общей положительной динамики по российским данным четко прослеживается обратный тренд: по сравнению с результатами 1999 г. более поздние замеры фиксируют изменение гендерных представлений в гражданско-политической сфере в сторону маскулинизации. Ту же тенденцию показывает изменение позиции страны в рейтингах. В частности, по значению индекса демократии она переместилась из третьей группы в четвертую [Democracy Index... , 2016]. При этом показатель «политическая культура» составил всего 2,5 балла (из 10 возможных). Очевидно, что явление имеет комплексный характер, оно обнаруживается на институциональном уровне и связано с устойчивостью ядра ценностных ориентаций.

Список источников

- Айвазова С. Г. Гендерный дискурс в поле консервативной политики // Женщина в российском обществе. 2017. № 4. С. 3—13.
- Айвазова С. Г., Кертман Г. Л. Женщины на randevу с российской демократией. М.: Эслан, 2001. 80 с.
- Гаврилюк В. В., Маленков В. В., Гаврилюк Т. В. Современные модели российской гражданственности // Социологические исследования. 2016. № 11. С. 97—106.
- Кашина М. А. Постсоветская государственная политика в отношении женщин: внутренние противоречия // Женщина в российском обществе. 2019. № 4. С. 3—13.
- Маленков В. В. Темпоральный образ России в динамике представлений жителей Тюмени // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 41. С. 131—141.
- Силласте Г. Г. Социальные транзисии и формирование нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 3—16.
- Хасбулатова О. А. Гендерные стереотипы в политической культуре: специфика российского опыта // Женщина в российском обществе. 2001. № 3—4. С. 17—24.
- Хасбулатова О. А. Технологии создания мифа о равноправии полов: советские практики // Женщина в российском обществе. 2018. № 4. С. 49—59.
- Хасбулатова О. А. Об участии российских женщин в государственном управлении: историко-политологический анализ // Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика: материалы Международной научной конференции. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. С. 32—36.
- Шведова Н. А. Гендерный подход как фактор политической культуры: новые тенденции // Гендерный калейдоскоп. М.: Academia, 2002. С. 271—290.
- Шведова Н. А. Гендерная политическая культура: новые тенденции // Россия и Америка в XXI веке: электронный научный журнал. 2014. № 1. URL: <http://www.rusus.ru/?act= read&id=400> (дата обращения: 07.12.2019).
- Abowitz K., Harnish J. Contemporary discourses of citizenship // Review of Educational Research. 2006. Vol. 76, iss. 4. P. 653—690.
- Democracy Index 2016: a Report by the Economist Intelligence Unit. 2016. URL: <http://www.eiu.com/Handlers/WhitepaperHandler.ashx?fi=Democracy-Index-2016.pdf&mode=wp&campaignid=DemocracyIndex2016> (дата обращения: 07.12.2019).
- ICCS 2009: Technical Report / ed. by W. Schulz, J. Ainley, J. Fraillon. Amsterdam: International Association for the Evaluation of Educational Achievement, 2011. 334 p.
- IEA Civic Education Study, 1999: [United States] / International Association for the Evaluation of Educational Achievement. Ann Arbor (MI): Inter-university Consortium for Political and Social Research, 2016.
- IEA Civic Education Study 1999: Technical Report / ed. by W. Schulz, H. Sibberns. Amsterdam: International Association for the Evaluation of Educational Achievement, 2004. 282 p.
- International Civic and Citizenship Education Study, 2009 / International Association for the Evaluation of Educational Achievement. Ann Arbor (MI): Inter-university Consortium for Political and Social Research, 2018.
- International Civic and Citizenship Education Study, 2016 / International Association for the Evaluation of Educational Achievement. Ann Arbor (MI): Inter-university Consortium for Political and Social Research, 2018.
- International Civic and Citizenship Education Study 2016: Technical Report / ed. by W. Schulz et al. Amsterdam: International Association for the Evaluation of Educational Achievement, 2018. 314 p.

- Riabova T., Riabov O. The «Rape of Europe»: 2016 New Year's Eve sexual assaults in Cologne in hegemonic discourse of Russian media // *Communist and Post-Communist Studies*. 2019. Vol. 52, iss. 2. P. 145—154.
- Riabova T., Riabov O. The remasculinization of Russia // *Problems of Post-Communism*. 2014. Vol. 61, iss. 2. P. 23—35.
- Temkina A., Zdravomyslova E. Gender's crooked path: feminism confronts Russian patriarchy // *Current Sociology*. 2014. Vol. 62, iss. 2. P. 253—270.
- The Global Gender Gap Report 2016. 2016. URL: http://www3.weforum.org/docs/GGGR16/WEF_Global_Gender_Gap_Report_2016.pdf (дата обращения: 07.12.2019).
- Walby S. Is citizenship gendered? // *Sociology*. 1994. Vol. 28, iss. 2. P. 379—395.
- Werbner P., Yuval-Davis N. Women and the new discourses of citizenship // *Women, Citizenship and Difference* / ed. by N. Yuval-Davis, P. Werbner. New York: Zed Books, 1999. P. 1—38.

References

- Abowitz, K., Harnish, J. (2006) Contemporary discourses of citizenship, *Review of Educational Research*, vol. 76, iss. 4, pp. 653—690.
- Aivazova, S. G. (2017) Gendernyi diskurs v pole konservativnoi politiki [Gender discourse in the field of conservative policy], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 3—13.
- Aivazova, S. G., Kertman, G. L. (2001) *Zhenshchiny na randevu s rossiiskoi demokratiei* [Women on a rendezvous with Russian democracy], Moscow: Èslan.
- Democracy Index 2016: A Report by the Economist Intelligence Unit* (2016), available from <http://www.eiu.com/Handlers/WhitepaperHandler.ashx?fi=Democracy-Index-2016.pdf&mode=wp&campaignid=DemocracyIndex2016> (accessed 07.12.19).
- Gavriliuk, V. V., Malenkov, V. V., Gavriliuk, T. V. (2016) Sovremennye modeli rossiiskoi grazhdanstvennosti [Contemporary models of Russian citizenship], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 11, pp. 97—106.
- IEA Civic Education Study, 1999: [United States]* (2016), International Association for the Evaluation of Educational Achievement, Ann Arbor, MI: Inter-university Consortium for Political and Social Research.
- International Civic and Citizenship Education Study, 2009* (2018), International Association for the Evaluation of Educational Achievement, Ann Arbor, MI: Inter-university Consortium for Political and Social Research.
- International Civic and Citizenship Education Study, 2016* (2018), International Association for the Evaluation of Educational Achievement, Ann Arbor, MI: Inter-university Consortium for Political and Social Research.
- Kashina, M. A. (2019) Postsovetskaia gosudarstvennaia politika v otnoshenii zhenshchin: vnutrennie protivorechiia [Post-Soviet governmental women policy: internal contradictions], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 3—13.
- Khasbulatova, O. A. (2001) Gendernye stereotipy v politicheskoi kul'ture: spetsifika rossiiskogo opyta [Gender stereotypes in political culture: the specifics of Russian experience], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3—4, pp. 17—24.
- Khasbulatova, O. A. (2018) Tekhnologii sozdaniia mifa o ravnopravii polov: sovetskie praktiki [Technologies for creating the myth of gender equality: soviet practices], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 49—59.
- Khasbulatova, O. A. (2019) Ob uchastii rossiiskikh zhenshchin v gosudarstvennom upravlenii: istoriko-politologicheskii analiz [On the participation of Russian women in public administration: historical and political analysis], in: *Gendernye otnosheniia v sovremennom mire: upravlenie, ekonomika, sotsial'naiia politika: Materialy*

- Mezhdunarodnoĭ nauchnoĭ konferentsii, Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 32—36.
- Malenkov, V. V. (2018) Temporal'nyĭ obraz Rossii v dinamike predstavleniĭ zhitelei Tiumeni [Temporal image of Russia in the dynamics of representations of Tyumen residents], *Bulletin of Tomsk State University*, no. 41, pp. 131—141.
- Riabova, T., Riabov, O. (2014) The remasculinization of Russia, *Problems of Post-Communism*, vol. 61, iss. 2, pp. 23—35.
- Riabova, T., Riabov, O. (2019) The “Rape of Europe”: 2016 New Year’s Eve sexual assaults in Cologne in hegemonic discourse of Russian media, *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 52, iss. 2, pp. 145—154.
- Schulz, W., Ainley, J., Fraillon, J. (eds) (2011) *ICCS 2009: Technical Report*, International Association for the Evaluation of Educational Achievement, Amsterdam.
- Schulz, W., Sibberns, H. (eds) (2004) *IEA Civic Education Study 1999: Technical Report*, International Association for the Evaluation of Educational Achievement, Amsterdam.
- Schulz, W. et al. (eds) (2018) *International Civic and Citizenship Education Study 2016: Technical Report*, International Association for the Evaluation of Educational Achievement, Amsterdam.
- Shvedova, N. A. (2002) Gendernyi podkhod kak faktor politicheskoi kul'tury: novye tendentsii [Gender as a factor in political culture: new trends], in: *Gendernyi kaleidoskop*, Moscow: Academia, pp. 271—290.
- Shvedova, N. A. (2014) Gendernaia politicheskaiia kul'tura: novye tendentsii [Gender political culture: new trends], *Rossia i Amerika v XXI veke: Ėlektronnyi nauchnyi zhurnal*, no. 1, available from <http://www.rusus.ru/?act=read&id=400> (accessed 07.12.2019).
- Sillaste, G. G. (2019) Sotsial'nye tranzitsii i formirovanie novogo gendernogo poriadka [Social transitions and the formation of a new gender order], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 3—16.
- Temkina, A., Zdravomyslova, E. (2014) Gender’s crooked path: feminism confronts Russian patriarchy, *Current Sociology*, vol. 62, iss. 2, pp. 253—270.
- The Global Gender Gap Report 2016* (2016), available from http://www3.weforum.org/docs/GGGR16/WEF_Global_Gender_Gap_Report_2016.pdf (accessed 07.12.2019).
- Walby, S. (1994) Is citizenship gendered?, *Sociology*, vol. 28, iss. 2, pp. 379—395.
- Werbner, P., Yuval-Davis, N. (1999) Women and the new discourses of citizenship, in: Yuval-Davis, N., Werbner, P. (eds), *Women, Citizenship and Difference*, New York: Zed Books, pp. 1—38.

Статья поступила в редакцию 28.04.2021; одобрена после рецензирования 12.12.2021; принята к публикации 26.01.2022.

The article was submitted 28.04.2021; approved after reviewing 12.12.2021; accepted for publication 26.01.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Маленков Вячеслав Викторович — кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента и бизнеса, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия, vvmalenkov@gmail.com (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of Management and Business, Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation).